

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.11.20>

Хаджиева Мадина Хамитовна, Аджиева Лаура Алиевна

**АНТРОПОМОРФНЫЕ КАМЕННЫЕ ИЗВАЯНИЯ И ИХ РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ
НАДМОГИЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО НАРОДА (СЫН-ТАШ)**

Культура возведения надмогильных памятников отражает долгий процесс развития унаследованных от предков видов и форм, генетически связанных между собой. В данной статье рассмотрены различные виды и формы надмогильных памятников предков карачаево-балкарского народа. Дана подробная характеристика археологическим объектам, проведена систематизация, объединяющая виды наиболее часто встречающихся на кладбищах Карачая и Балкарии сооружений. Проанализирована роль антропоморфных стел в сложении сын-таш - через эволюцию развития традиций возведения каменных изваяний, служивших изначальным прототипом, из которого впоследствии сформировались различные формы надгробий.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2019/11/20.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 11. С. 107-112. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2019/11/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

TRADITIONAL HANDCRAFTS OF THE KARACHAY-BALKAR PEOPLE

Tekeeva Zemira Khyisaevna, Ph. D. in History, Associate Professor
Umar Aliev Karachai-Cherkess State University, Karachaevsk
zem.tekeeva@yandex.ru

The article characterizes the trades and crafts of the Karachay-Balkar people in the XIX century. Wool craft and leather craft became popular due to highly developed sheep-breeding, wooden crafts – due to rich forests and metal-working – due to iron deposits. The author describes the basic types of products produced for their own needs and traces the evolution of craft industry under the influence of commodity-money relations and crosscultural communication between the Karachay-Balkar and the Slavic people. The conclusion is made that trades and crafts are integral complexes.

Key words and phrases: material culture; craft; felt industry; loom; metal items; mutual assistance; mutual influence.

УДК 93/94; 393.9(470.631)

Дата поступления рукописи: 07.06.2017

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.11.20>

Культура возведения надмогильных памятников отражает долгий процесс развития унаследованных от предков видов и форм, генетически связанных между собой. В данной статье рассмотрены различные виды и формы надмогильных памятников предков карачаево-балкарского народа. Дана подробная характеристика археологическим объектам, проведена систематизация, объединяющая виды наиболее часто встречающихся на кладбищах Карачая и Балкарии сооружений. Проанализирована роль антропоморфных стел в сложении сын-таш – через эволюцию развития традиций возведения каменных изваяний, служивших изначальным прототипом, из которого впоследствии сформировались различные формы надгробий.

Ключевые слова и фразы: этногенез; гаплогруппы; каменные изваяния; менгир; балбал; круглая скульптура; дольмены; подземные и наземные склепы; полусклепы; мавзолей-кешене; сын-таш; стела; культ предков; тюрки; жертвоприношение.

Хаджиева Мадина Хамитовна, к.и.н., доцент

Аджиева Лаура Алиевна

Карачаево-Черкесский государственный университет имени У. Д. Алиева, г. Карачаевск
b.madina73@yandex.ru

АНТРОПОМОРФНЫЕ КАМЕННЫЕ ИЗВАЯНИЯ И ИХ РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ НАДМОГИЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО НАРОДА (СЫН-ТАШ)

Одной из главных тем истории тюрков является изучение их архитектурного наследия. Для исторической науки этот вопрос имеет особое значение, так как он тесно связан с рядом других важных проблем. Данное обстоятельство определяет **актуальность** исследования.

Несмотря на то, что история народов Северного Кавказа уже достаточно давно стала предметом изучения, многие вопросы и проблемы не нашли ответов. К тому же в связи с депортацией карачаево-балкарского народа в Среднюю Азию и Казахстан в 1943-1944 годах была прервана начатая после революции 1917 года работа по подготовке национальных кадров научной интеллигенции. Материальная культура народа была всецело репрессирована, как и народ ее создавший. **Новизна** настоящей работы заключается в попытке восполнить пробелы, пересмотреть отдельные выводы, наметить новые направления поиска и исследования малоизученных тем.

Цель работы состоит в исследовании и систематизации различных надмогильных сооружений предков карачаево-балкарского народа, распространенных на обширной территории России, Европы, Средней Азии и Монголии в VI-X вв. и XIII-XIV вв., а также выявлении роли антропоморфных стел в сложении сын-таш.

Карачаево-балкарский народ проживает в верховьях рек Кубань, Теберда, Большой Зеленчук, Черек, Чегем, Баксан. В его этногенезе равноправную роль сыграли два компонента: сугубо кавказский субстрат – местные кавказские племена, являющиеся этническим ядром, и кочевой степной суперстрат. В соответствии с имеющимися на сегодняшний день научными разработками основой карачаево-балкарской народности следует считать местные кавказские племена, носителей кобанской археологической культуры, сложившейся в XIV-XIII вв. до н.э. на территории Центрального Кавказа. К III в. до н.э. с местным населением ассимилировались пришедшие на Кавказ скифы, в IV веке с потомками кобанцев слились аланы, которые были вытеснены гуннами из степей Предкавказья в горы. В V-VI вв. к сформировавшейся ранее алано-кобанской этнической группе присоединились хазаро-булгары.

Выводы по этногенезу карачаево-балкарского народа сегодня подкреплены исследованиями доктора химических наук А. А. Клесова, который, основываясь на данных науки, изучающей генетическую историю человечества, пишет, что «современные гаплотипы башкир, татар, карачаевцев, казахов, киргизов и других народов Предкавказья, Поволжья, Приуралья и Зауралья, вплоть до Алтая происходят в основном от скифских общих предков гаплогруппы R1a-Z93 и нижестоящих субкладов. Карачаевцы-балкарцы гаплогруппы

R1a-Z93, видимо, происходят от скифского племени алан», а также приводит данные «палео-ДНК аланов, который показывает такой же гаплогруппный состав, как и в основе у карачаево-балкарцев – R1a, G2a и J2a» [14]. Далее тот же исследователь пишет: «...то, что карачаевцы тюркоязычны, а скифов современная лингвистика рассматривает как исключительно ираноязычных, не должно смущать. Современная лингвистика в этой части неправа, только и всего» [Там же].

В статье рассматриваются различные виды и формы надмогильных сооружений упоминаемых выше предков карачаево-балкарского народа, которые оставили на территории России, Европы, Средней Азии и Монголии в VI-X вв. и XIII-XIV вв. большое количество изваяний объемной или круглой скульптуры, связанных с культом предков. Как отмечает А. И. Мартынов, «каменные изваяния представляют большую культурно-историческую ценность, относятся к разным периодам тюркской истории, распространены на всем пространстве тюркского мира, изображают усатых и безусых мужчин с разным выражением лица» [21, с. 305].

В ареале распространения курганной культуры подвижных скотоводческих племен с эпохи меднокаменного века до Средневековья на курганах, родовых кладбищах устанавливали антропоморфные изваяния, в которые посредством определенных действий и «кормлений» переходила душа покойного.

Вера в необходимость обеспечения покойников пищей и сегодня имеет место быть, вероятно, поэтому существуют поговорки: «Ёльген садакадан тоймаз» («Мертвым нужны регулярные жертвоприношения»), «Ёльген садакадан тоймаса, саула да тоймазла» («Если мертвый не будет доволен жертвоприношениями, не будут жить в довольстве и живые»). Покойные являлись носителями и гарантами плодородия, благоденствия и должны были помогать своим родственникам [31, с. 327]. Культ предков в трансформированном виде существует и сегодня, а сын-таш является своеобразным мостом между потомками и предком.

Как в свое время указывал Н. Ф. Катанов, «каменные бабы у нынешних татар, урянхайцев и монгол чтутся не как божества, а как изображения предков» [13, с. 19]. Сегодня «кормления» покойных приурочивают к датам смерти, а также к мусульманским праздникам. Население массово посещает погребения своих близких и родных, родственники просят у Аллаха милости, райских условий, прощения всех грехов покойных, а также раздают милостыню, которая включает пищу, деньги, одежду, предметы домашнего обихода.

Какова же причина, заставлявшая древних скульпторов создавать каменные изваяния из гранита, песчаника, известняка, что достаточно трудоемко, при этом часто очень тщательно подчеркивая и скрупулезно вычерчивая каждую черточку лица, оружия, платья, зеркал, головных уборов и укладки волос? Вероятно, это стремление изобразить полный собирательный образ предка, который смирился со своей участью, не ропщет и не перечит воле Тейри, с помощью обрядово-ритуальных действий, кормлений и раздачи милостыни он переходит в сон предков и получает от Тейри-Неба неизменяемую силу. Надмогильные изваяния Хуламо-Безенгийского ущелья Балкарии сохранили множество архаичных черт, отсылающих в эпоху рассвета балбалов, аналогичные черты мы можем наблюдать «на Волге в деревянных надгробиях чувашей...» [17, с. 144]. Как пишет В. Магнитский, «вырезанный треугольник изображает лицо. Этот памятник носит название “юба”; его считают “домом покойника”, т.е. вместилищем его души» [18, с. 180]. «Оба» – «юба» с карачаево-балкарского языка переводится как «могила». Оба – не просто маркировка места захоронения, не просто украшение степей, гор, равнин и предгорий – это хранилище душ. Их основной функцией являлось сохранение памяти о покойном и ее увековечение для будущих поколений. Древние ваятели непостижимым образом сумели передать через выражение лица, положения частей тела балбала его безмолвность, невыразимую скорбь и тоску всего рода. Может, этому способствовало то, что художнику не указывали, в каком стиле работать, что выбрать из представленных в данном регионе материалов, позволяя экспериментировать в поисках новых решений и мастерски передавать художественно-обобщенное воплощение грусти, смирения, а иногда и страха. Вероятно, отсюда эта глубина, особый ритм линий, собственная геометрия, минималистическая гамма цветов, которая легла в основу броской рациональности балбалов, колористическое и фактурное решение которых было призвано создать атмосферу покоя, благородства, помочь отрешиться хоть немного от всего мирского и суетного. Все сложилось в этих молчаливых скульптурах. В них нет сентиментальности, но есть странное сочетание консервативности и оригинальности, умение выразить индивидуальность, при этом сохраняя главное – культурные особенности тюрков.

Как известно, тюрки каждые пять лет в месяц «хачауман» (май) совершали тризны у могил своих родственников, и сосуды в руках балбалов не случайны. Покойный «дистанционно» мог присутствовать на поминальном мероприятии, «вкушать» поминальную пищу и пить вместе с присутствующими. Разнообразной формы сосуды и фигурки виночерпиев мы встречаем на орхонских памятниках, на сооружении в Сарыг-Пулуне в Республике Тыва, а также на стенах дольмена Царского мавзолея, который был перевезен из поселка Архыз Республики Карачаево-Черкесия в Ставропольский краеведческий музей имени Г. Н. Прозрителева и Г. К. Пправе (СКФО) в период депортации карачаево-балкарского народа в Среднюю Азию и Казахстан.

О преемственности форм дольменов Архыза писал В. А. Кузнецов. По его мнению, дольмены принадлежали древним аборигенам края и могли служить изначальным прототипом, из которого впоследствии развились отдельные формы надгробных памятников – стеловидные [16, с. 117]. Как отмечает В. И. Марковин, «в конструкции кяфарских сооружений можно видеть и раннесредневековые элементы, но в целом это памятники архитектуры эпохи бронзы» [20, с. 35]. Верхняя плита кяфарского дольмена занята сценой пиршества и молитв священным рощам, деревьям, камням и скалам. У карачаево-балкарского народа существовал культ священных рощ «Иман-терекле», «Сууаб терекле» и отдельных деревьев. В Балкарии священное дерево называлось Раубазы-Терек, а в Карачае – Джангыз-Терек. Сверхъестественными качествами наделялись горы, скалы, камни, среди них особо выделяются связанные с образами божества Чоппа (Чоппаны ташы),

у которых проводились ритуальные игры и моления. Не менее важным сакральным местом карачаевцев считались Байрым ташла, т.е. «камни /матери/ Марии» [11, с. 77].

Известны камни, связанные с именами легендарных предводителей (Камень Карчи – Къарчаны Ташы), эпических героев «Сосурукну Ташы». По сей день на левобережье реки Кубань, близ впадения в него р. Худес существует Замковый Камень Карачая «Къарачайны Къадау Таш» [33].

На плитах дольмена изображены и те, кто поминает покойного с бокалами в руках, кувшинами, полными напитка, ведром, наполненным кумысом, «бозой» (слабоалкогольный напиток), «сыра» (пиво), а, может, это «аракы» (молочная водка), а также и сам почивший. Если мы сравним оформление Царского мавзолея и минусинских стел, которые М. П. Грязнов отнес к «ранним формам каменных баб тюркского типа» [5, с. 129], то можно заметить схожесть сцен и композиционного решения тризны Царского мавзолея и Минусинских стел, которые также напоминают аналогичную картину «поминок» на древнетюркском каменном изваянии из Мунгу-Хайрхан-Ула [4, с. 21-22, рис. 11].

На стенах дольмена показаны картины из жизни покойного, победы над врагами и смерти. Смерть символически передана через опущенную к земле секиру и знамя на длинном древке с треугольным вырезом полотнища и ступенчатым выступом внизу. Это так называемый «драконий штандарт». На минусинских стелах мы видим также всадника «с трёхлопастным флагом на длинном древке» [8, рис. 1]. Правее воина с опущенной секирой высечен солярный символ – крест в круге, который символически показывает, что жизненный путь хозяина дольмена закончен, но начинается новый, и вновь «идти по кругу, значит возвращаться» (ПМА. Хаджиев).

Переход в мир (теней), (освещаемый луной), (сирот) – сложный и полон всяческих опасностей, что подтверждает нам сцена на средней плите Кяфарского дольмена. Главная фигура здесь – чудовище, которое в карачаево-балкарском фольклоре описывается как дракон «сарубек», «джельмауз», «аждаган» с когтистыми лапами и длинным извивающимся хвостом, с острыми стальными зубами, который вновь и вновь пытается проглотить луну один раз в году, когда собаки нарта Кыйынлы засыпают. Рядом с драконом изображены два человека, которые стоят, воздев руки с мольбой к богам. В левом углу еще две фигуры, которые, взявшись за руки, кричат, шумят, стараясь разбудить собак, что случается и сегодня: при затмении луны люди выходят на улицу, кричат, стучат, стреляют в небо.

По углам плит дольмена Кяфарского городища Архыза изображены две птицы, которые, по представлениям многих тюркских племен и народов VI-VIII вв., «представляют собой перевоплощение души на все время поминальных обрядов» [32, с. 127]. Душа «улетела», «отлетела», – говорили тюрки. В тексте памятника Кюль-Тегина об отце, дяде и о самом Кюль-Тегине также сказано: «улетел» (т.е. умер) [19, с. 35]. На минусинских стелах на реке Нени также наличествует изображение птицы, которое получило дальнейшее развитие в ряде памятников тюркского искусства в Асхетском рельефе, на короне Кюль-тегина [28, табл. XV], «на каменных изваяниях Семиречья» [34, табл. XXIII], а также на стеловидном надгробии в балкарском селении Булунгу, на котором в верхнем сегменте стелы располагается изображение сокола; последнего можно сравнить с изображением птиц на «оленных камнях» Монголии и Алтая [1, рис. 1].

Привлекает внимание и изображение на дольмене висящего на цепи котла. Орнамент цепи повторяется в узоре «сынджыр» (цепь), который использовался также и в ковроделии. Рисунок, аналогичный котлу Царского мавзолея, близкий к изображению на стеле с р. Нени, имеется на оленном камне в Юго-Западной Туве. Котел и цепь символизируют домашний очаг, семью, благополучие, домашний уют. Особое культовое назначение этого вида утвари подтверждается многочисленными археологическими и этнографическими параллелями – «от скифских котлов и изображений Боярской писаницы до якутских чоронов» [10, с. 11, табл. XI-XIV].

Следующее изображение – это скачущий на лошади всадник с загадочным четырехугольным предметом в руке, вероятно, это космологический знак – Текмет. Он представляет собой модель мира, где круг – это мир, «земля круглая», квадрат – это четыре стороны света. В древней космологии карачаево-балкарцев «текмет» был связан с элементами стихий, из которых был создан мир [25, с. 265].

Изображению всадников на Царском мавзолее наиболее близкие аналогии мы находим на стеле западного кладбища селения Карт-Джурт, на которой изображена «геральдическая композиция в виде двух противостоящих всадников» [17, с. 155], а также наблюдаем «подобную композицию на уже известном нам Дукабеке» [Там же].

Следует отметить, что изваяние Дука-бек – знаменитый этокский воин, который находился до перемещения скульптуры в Москву «на границе современных Кабардино-Балкарской Республики и Ставропольского края» [30, с. 210], также представляет собой погребальный надмогильный балбал, изготовленный из местного известняка.

В качестве пережитков политеизма у тюркоязычных народов и сегодня сохраняется традиция воздвигать надмогильный памятник антропоморфной формы, «столбообразные или фертообразные деревянные и каменные памятники» у туркмен [22], казахов [9], башкир [29], чувашей, крымчаков, которые представляют собой покойников, участвующих в поминальных мероприятиях, без прорисовки гендерных различий, одежды и прически. К примеру, стелы с. Старой Дзегуты сохранили архаичные изображения в виде спиралевидных завитков, в которых «можно усмотреть переосмысление древних изображений женской груди, которая в представлении прошлых поколений связывалась с культом плодородия» [6, с. 162].

Вера в загробную жизнь, подобную земной, нашла отражение в погребальном инвентаре, который в дальнейшем трансформировался в макеты, уменьшенные копии предметов быта, жертвенных животных, лошадей, повозок. Необходимым «кертти дуниада» (в истинном мире), «ауана-дуния» (мире теней), «кюн

тиймеген дуня» (мире, куда никогда не заглядывает солнце), «киши каитмаган джерден» (откуда еще никто не возвращался) инвентарем считали изображения боевых коней, предметов быта, оружия, украшений, а в дальнейшем наличие наград, огнестрельного оружия, четок, швейных машин, наперстков, ножниц и т.д.

После принятия ислама в XVIII в. в оформление надмогильных сооружений были внесены изменения, так как издревле существовал канон, по которому стела должна была скромно оформлена. Она не должна была иметь особых украшений, также не следовало бурно выражать скорбь или сожаление по поводу смерти близкого человека. Наличие канона способствовало выработке единого стиля, но в то же время были сохранены традиционные, индивидуальные черты, вследствие чего исследуемые карачаево-балкарские памятники украшены орнаментом и рисунками, но, в отличие от традиционных арабских стел, они остались, как и ранее, массивными и широкими.

Описывая погребальные памятники с. Старая Джегута в Карачаево-Черкесии, А. Я. Кузнецова отмечает то, что «выделяются своими большими размерами лишь надгробия знати» [17, с. 156]. К примеру, надгробие сельского старосты на кладбище Верхней Мары «2 метра высоты и 70 сантиметров ширины» [Там же], а также «двухметровой высоты достигают парные стелы фамильного захоронения местного муллы» [Там же, с. 157], расположенные на кладбище Старой Джегуты. В каноне же говорится о том, что не следует излишествовать в размерах памятника. Ибн аль-Къайим писал: «Не было в Сунне пророка (да благословит его Аллах и приветствует) делать могилы высокими, или сооружать на них что-либо из камня, кирпича или гипса, или воздвигать на них купола. Всё это порицаемые нововведения, противоречащие Сунне» [7, с. 19].

Форма надмогильного сооружения (сын-таш) постепенно стала меняться, упрощаться, стала схематичнее, в отличие от орнамента, который становился более сложным, техника резьбы совершенствовалась, становясь ярче и выразительней. Теперь орнамент покрывает весь камень. О произошедших изменениях Н. Веселовский писал следующее: «...головной камень очень часто имеет форму столба, венчаемого человеческой головой в чалме. Думаю, так видоизменился балбал под влиянием ислама» [3, с. 24].

В настоящее время заказчики надгробий требуют красоты и изыска. Ушло в прошлое настоящее знание рисунков, орнаментов и надписей на камне, но по-прежнему сохранилось трехчастное деление на голову в виде полукруглого тимпана с мусульманской символикой, плечиками; все изваяние условно разделено, представляет собой своеобразную архаическую модель мира.

Все резные погребальные надмогильные сооружения в настоящее время в народе называют «сын-таш» (мн.ч.), подстрочный перевод которого у всех тюркоязычных народов почти идентичен: изображение в камне, абрис тела в камне, каменное тело, тело в камне. Слово «сын» можно растолковать как «сый» (честь, уважение) – «сый-таш» – (памятник чести, доблести) (ПМА. Эбзеева). В руническом тексте на каменной стеле усыпальницы Кюл-тегина, вероятно, не для красного словца написано следующее: «Все, что я имел сказать, я выразил на вечном камне» [19, с. 35].

Реже используют слово «эскертме таш» (вечный камень, каменный памятник). Сын-таш, как и ранее – балбал, не всегда стоят на месте погребения тела, их могут устанавливать на возвышениях, на перекрестках дорог в память об умерших, на чужбине с обильными жертвоприношениями, «кормлением покойного» и раздачей милостыни. Кстати, на вершинах древних курганов или же на перекрестках дорог ставили статуи и половцы [26, с. 5].

Подводя итог, мы должны выделить виды наиболее часто встречающихся на кладбищах Карачая и Балкарии резных надмогильных сооружений.

1. Стелы и стеловидные сооружения, выросшие на основе менгиров. Слабо обработанные фигуры в виде вертикально стоящих брусков с шаровидным завершением, истоки которого «тянутся к древним формам балбалов» [17, с. 159].

2. Антропоморфные памятники, имеющие генетическое родство с древними балбалами, аналогии которым мы наблюдаем на кладбище Чегемского ущелья, в которых объединена стеловидная и антропоморфная формы.

3. Крестообразная форма плит, от трапециевидных до овальных, также имевших сходство с балбалами. Крестообразные каменные надгробные стелы, часто встречающиеся у грузин в «Сванетии... где крестообразная форма совмещается с объемным изображением головы – своеобразное сочетание “балбала” с крестом» [Там же, с. 144]. У карачаевцев и балкарцев такие надгробия с крестом и головой найдены в Карачае Е. Д. Филициным и Г. И. Куликовским, аналогичные сооружения можно наблюдать в Хуламо-Безенгийском ущелье Балкарии, в селении Шики. Они символизируют человека в четырех стихиях. В. Ф. Миллер связывает их с древними языческими верованиями [24, с. 126]. Склеповые сооружения – «кешене» карачаево-балкарского народа также ориентированы по сторонам света, что наглядно демонстрирует непрерываемую связь с язычеством. Так, например, «на внутренних стенах кешене князя Камгута Крымшамхалова в средневековом поселении Эль-Джурт в Баксанском ущелье Балкарии сохранились изображения оленей, противопоставленных в мусульманской религии, а у входа на внешней штукатурке были сделаны отпечатки кистей рук» [17, с. 142], которые, вероятно, служили защитой от дурного глаза (ПМА. Ортабаева).

Четырехугольный склеп сооружен из хорошо обработанных камней, с высоким двускатным перекрытием, могила представляет собой саркофаг, углубленный в пол. Можно провести некоторые параллели с исследованным Г. Н. Потаниным на оз. Даин-Гол в Монголии погребением, представляющим собой «четырёхугольный сруб с двускатной крышей, внутри которого находится изваянный из гранита бюст» [27, рис. 49], по стилистическим особенностям близко напоминающий древнетюркские каменные балбалы. Это сооружение было окружено «досками в виде ящика» [Там же].

Близкие или даже идентичные конструкции, восходящие еще к прототипам аланской эпохи, неоднократно фиксировались в местных некрополях позднего Средневековья [2, с. 53]. В позднеаланский период в горах Центрального Кавказа нередко практиковалось захоронение отдельных знатных лиц в так называемых криптах – подземных сводчатых склепах, устроенных внутри небольших церквушек или часовен. Одна такая крипта выявлена, например, в церкви Байрым в Верхнем Чегеме Балкарии [15, с. 124].

4. Стеловидные сооружения, трансформированный вариант склепов и мавзолеев «кешене», которые, в свою очередь, выросли из подземных и полуподземных (существовавших наравне с другими вариантами с IV-V вв. по XVI в.) склепов карачаево-балкарского народа, представляющих загробное жилище предков. Должны отметить, что балбалы – это тоже модель жилища, своеобразный домик – хранилище для души – «кбют», «джан».

Мы видим, как постепенно менялась форма погребального надмогильного сооружения – от менгира и плоских каменных антропоморфных изваяний к балбалам, дольменам, склепам и полусклепам, далее – к прямоугольным с двускатной крышей в XIV-XV вв. (в с. Карт-Джурт в Карачае, Курноятский склеп и склеп у замка князей Джабоевых в Балкарии), затем к круглоплановым склепам с конусообразной крышей (князей Абаевых XV в. у с. Ташлы-Тала и до XVII-XVIII вв. у с. Мухол в Балкарии), чуть позднее – к многогранным усыпальницам с пирамидальной крышей (с. Булунгу в Балкарии), «восьмиугольным усыпальницам с огромными крестами» [12, с. 33], «отголоскам культа солнца и бескрайнего синего неба».

Почти все «кешене» – склепы и мавзолеи – являются фамильными княжескими усыпальницами. Но, как отмечает В. М. Батчаев, «типы могил внутри мавзолеев полностью совпадают с локальными особенностями общесельских некрополей...» [2, с. 53]. Это означает, что появление склепов-мавзолеев отсылает нас к «внутриобщественным причинам, связанным с развитием и социально-экономическим прогрессом общества» [23, с. 84].

Как известно, сам культ мертвых связан с социально-экономическими условиями общества. Склеповые сооружения также, развиваясь и видоизменяясь и вырастая из подземных и полуподземных сооружений, с разложением родового строя имеют своей целью выделить и сохранить единство и нерушимость княжеского рода, как в мире живых, так и в мире «ином», что ясно свидетельствует о расслоении общества и «персонификации» отдельных эксклюзивных сооружений, в которых уже представлен не собирательный образ всего рода, а конкретная фамилия феодала.

Исследуя резные стелы XIX-XX вв. в селениях Карт-Джурт, Советское, Верхняя Балкария, Верхний Хулам, Булунгу, Верхняя Мара, Старая Джегута, мы видим, насколько камнерезы искусно умели передавать, как кажется, несочетаемое, практичную строгость и аскетизм языческого компонента и одновременно шарм прихотливо-витиеватого и усложненного резного мусульманского орнамента. Все это позволило создать целостное представление о духе эпохи, о времени и о себе, конечно. В особенности этот опыт ценен сегодня, в эпоху индивидуализма, когда копирайт стал обыденным явлением, а предметы ремесла, когда-то ставшие искусством, вдруг потеряли в настоящее время свою уникальность на фоне реплик, аналогов, мирового плагиата и повторений. К сожалению, сегодняшние надмогильные камни, созданные, как кажется, под копирку, по лекалам, не миновал сей процесс.

Консервативность самого погребального обряда, каждого ритуального действия в нем, которое достаточно устойчиво ко всему чуждому и наносному, да и сам факт выделения изобразительными знаками места погребения говорят о существующем миропорядке, отразившемся в сложении тех или иных принципов в искусстве увековечивания надмогильными сооружениями и маркировки места погребения. Минималистичная, как кажется, оболочка, позволявшая народным скульпторам уделять особое внимание деталям, благородная простота форм, аскетичный декор, функциональность и экологичность – таковы критерии народного творчества, что и сегодня отражается в трехчастном делении надмогильных стел. Все, как прежде, формы сын-таш с большей или меньшей долей условности изображают человека, только в верхней части вместо лица изображается розетка – солярный символ, которая переосмысливается как звезда, а впоследствии дополняется полумесяцем.

Рассмотрев погребальные сооружения сквозь призму строительной культуры племен и народов, участвовавших в этногенезе карачаевцев и балкарцев, мы можем констатировать, что влияние тюрков оказало долговременное и очень глубокое воздействие как на материальную, так и на духовную культуру.

Антропоморфные каменные изваяния в формировании надмогильных стел сыграли роль прототипов, из которых развились различные формы надмогильных сооружений, в том числе и современные сын-таш (мн. ч.).

Список источников

1. Адрианов А. В. К археологии Западного Алтая // Известия Археологической комиссии. 1916. № 62. С. 79-92.
2. Батчаев В. М. Балкария в XV – начале XIX в. (историко-культурное наследие народов Центрального Кавказа). М.: ООО «ТАС-ИЗДАТ», 2006. 190 с.
3. Веселовский Н. И. Современное состояние вопроса о «Каменных бабах» или «Балбалах» // Записки Императорского Одесского Общества Истории и Древностей. Одесса, 1915. Т. XXXII. Отд. оттиск. С. 21-24.
4. Грач А. Д. Древнетюркские изваяния Тувы. М.: Издательство восточной литературы, 1961. 96 с.
5. Грязнов М. П. Минусинские каменные бабы в связи с некоторыми новыми материалами // Советская археология. 1950. № 12. С. 128-156.
6. Дебиров П. М. Резьба по камню в Дагестане. М.: Наука, 1966. 208 с.
7. Джаназы / сокращённо, из материалов, переведённых и подготовленных общиной мусульман КБР // Обряды похорон в Исламе, в соответствии с Кораном и Сунной. Нальчик: Нур, 2016. С. 19-20.

8. Длужневская Г. В. Ещё раз о «кудыргинском валуне» (к вопросу об иконографии Умай у древних тюрков) // Тюркологический сборник – 1974 / отв. ред. А. Н. Кононов. М.: Наука; ГРВЛ, 1978. С. 230-237.
9. Дневные записки путешествия капитана Н. Рычкова в Киргис-кайсацкой степи. М.: Книга по Требованию, 2011. 106 с.
10. Дэвлет М. А. Большая Боярская писаница. М.: Наука, 1976. 36 с.
11. Иваненков Н. С. Карачаевцы: доклад, прочитанный на общем собрании членов Общества любителей изучения Кубанской области 28 ноября 1908 г. // Известия Общества любителей истории Кубанской области. Екатеринодар, 1912. Вып. V. С. 25-91.
12. Иссен А. А. Археологические памятники Кабардино-Балкарии // Материалы и исследования по археологии СССР. М. – Л.: ИА АН СССР, 1941. Вып. 3. С. 7-50.
13. Катанов Н. Ф. О погребальных обрядах у тюркских племен Центральной и Восточной Азии. Казань: Типолиитография Императорского университета, 1894. 35 с.
14. Клёсов А. А. ДНК-генеалогия арабского мира (часть 3) [Электронный ресурс]. URL: <http://pereformat.ru/wp-content/uploads/2019/10/klyosov-arab-world-3.pdf> (дата обращения: 24.12.2016).
15. Кузнецов В. А. Зодчество феодальной Алании. Орджоникидзе: Ир, 1977. 176 с.
16. Кузнецов В. А. Средневековые дольменообразные склепы Верхнего Прикубанья // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. 1961. Вып. 85. С. 106-117.
17. Кузнецова А. Я. Народное искусство карачаевцев и балкарцев. Нальчик: Эльбрус, 1982. 176 с.
18. Магнитский В. К. Материалы к объяснению старой чувашской веры. Казань: Типография Императорского университета, 1881. 267 с.
19. Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. М.: Издательство Академии наук СССР, 1951. 451 с.
20. Марковин В. И. Дольменные памятники Прикубанья и Причерноморья / Российская академия наук, Институт археологии. М.: Институт археологии РАН, 1997. 402 с.
21. Мартынов А. И. Археология. М.: Высшая школа; Абрис, 2012. 447 с.
22. Массон М. Е. О происхождении некоторых каменных могильников южного Туркменистана // Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Ашхабад, 1949. Т. 1. С. 42-56.
23. Мизиев И. М. Средневековая Балкария. Нальчик: Эльбрус, 2009. 368 с.
24. Миллер В. Ф. Отголоски кавказских верований на могильных памятниках // Материалы по археологии Кавказа, собранные экспедициями Московского археологического общества. М.: Типография А. И. Мамонтова и К°, 1893. Вып. 3. С. 119-136.
25. Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев / сост. Р. А.-К. Ортабаева, Т. М. Хаджиева, А. З. Холаев. М.: Наука; Восточная литература, 1994. 656 с.
26. Плетнева С. А. Половецкие каменные изваяния. М.: Наука, 1974. 200 с.
27. Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии: в 4-х вып. М.: Книга по требованию, 2011. Вып. 3. Результаты путешествия, исполненного в 1879-1880 годах. Дневник путешествия и материалы для физической географии и топографии С. З. Монголии. 392 с.
28. Радлов В. В. Атлас древностей Монголии. М.: Книга по требованию, 2012. 78 с.
29. Степанов Д. Этнографическое изучение южной группы башкир // Советская этнография: сборник статей. М. – Л.: Академия наук СССР, 1940. Вып. IV. С. 210-212.
30. Фоменко В. А. О датировке и культурной принадлежности изваяния Дука-Бек // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 9 (71). С. 210-212.
31. Хаджиева М. Х. «Кормление» покойных через пограничную группу «джарлы» и «харип» // Мир науки, культуры, образования. 2014. № 4 (47). С. 326-328.
32. Чернецов В. Н. Представления о душе у обских угров // Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований. М.: Академия наук СССР, 1959. С. 116-156.
33. Шаманов И. М. Хозяйство и материальная культура [Электронный ресурс] // Карачай с древнейших времен до 1917 года: историко-этнографические очерки / под общ. ред. Р. Т. Хатуева. URL: http://karachai.ucoz.ru/news/dobavlena_kniga_karachaj_s_drevnejshikh_vremen_do_1917_goda_istoriko_ethnograficheskie_ocherki/2014-03-26-16 (дата обращения: 15.04.2017).
34. Шер Я. А. Каменные изваяния Семиречья. М. – Л.: Наука, 1966. 140 с.

Полевой материал авторов

1. Ортабаева Раиса Абдул-Керимовна, 1941 г.р., г. Черкесск Карачаево-Черкесской Республики, записи 2009 г.
2. Хаджиев Хамит Муссаевич, 1937 г.р., г. Черкесск Карачаево-Черкесской Республики, записи 2008 г.
3. Эбзеева Асылхан Ахлауовна, 1930 г.р., с. Кумыш Карачаево-Черкесской Республики, записи 2008 г.

ANTHROPOMORPHOUS STONE STATUES AND THEIR ROLE IN THE FORMATION OF FUNERAL MONUMENTS OF THE KARACHAY-BALKAR PEOPLE (SYN-TASH)

Khadzhiyeva Madina Khamitovna, Ph. D. in History, Associate Professor
Adzhieva Laura Alievna
Umar Aliev Karachai-Cherkess State University, Karachaevsk
b.madina73@yandex.ru

The culture of funeral monuments erection reflects the long process of developing the types and forms inherited from ancestors that are genetically related. The article examines different types and forms of funeral monuments erected by the ancestors of the Karachay-Balkar people. The paper provides a detailed characteristic of archaeological objects, proposes a classification of the most frequent types of funeral monuments in Karachay and Balkaria. The role of anthropomorphous steles in a syn-tash (funeral monument) formation is analysed through the lenses of evolution of the stone statue construction tradition. The authors show that stone statues served as a model for different types of funeral monuments.

Key words and phrases: ethnogenesis; haplogroups; stone statues; menhir; balbal; circular sculpture; dolmens; underground and above-ground tombs; semi-vaults; mausoleums (keshene); syn-tash; stele; ancestors' cult; Turkic peoples; sacrifice.